

От переводчика.

В названии главы используется китайская идиома, созвучная с европейским принципом опасности самолечения. Но на западе речь идет часто именно о самолечении (лечении самого себя) и лишь в двадцатом веке, когда сформировались принципы медицинской этики, появилось ограничение, не рекомендующее врачам лечить своих родственников. В китайской традиционной медицине этот принцип существовал всегда. И в идиоме слова "сам себя" подразумевают не только врача, но и всех его родных.

Несмотря на упрямство и настойчивость, Е Тянь всегда был почтительным сыном. О своей матери он спрашивал отца всего лишь раз, когда ему было шесть или семь лет. Ответа тогда он не получил, но хорошо запомнил, как потом долго печалился Е Дунпин, поэтому больше не упоминал при нем о матери.

Но сейчас у него есть чудесный черепаший панцирь, который можно использовать, чтобы узнать прошлое отца. Е Тянь не мог удержаться, ведь по-другому раскрыть эту тайну невозможно. Никто не захочет вытаскивать мучительные тайны своего прошлого сам, верно?

"Сокровищница искусств!"

Идея узнать о матери так сильно захватила Е Тяня, что он больше ни о чем думать не мог, и непрерывно бормотал: "Сокровищница искусств!", пытаясь четко представить. Наконец, перед его глазами возник черепаший панцирь.

Утром в доме старшего Мяо слова "геомантия" и "сяншу" были тусклыми, но сейчас снова светились.

Интуитивно Е Тянь понимал, что постоянно использовать черепаший панцирь нельзя, он чувствовал, что могут быть какие-то ограничения, поэтому весь день, несмотря на сильное желание узнать побольше, старался не вызывать панцирь. Но сейчас сдержать любопытство не мог.

"Сяншу!"

Е Тянь сосредоточился и увидел характерные изменения в своем сознании. Черепаший панцирь словно растворился в воздухе, распадаясь на бесчисленные лучи, которые выделяли нужные черты лица его отца.

"Эй, у моего отца отличные черты лица. Почему он не похож на крестьянина?"

Честно говоря, хоть несколько лет он учился у старого даоса основам сяншу, Е Тянь в гадание по лицу не слишком верил, поэтому ни разу не пытался прочесть прошлое отца. Сейчас же, внимательно рассмотрев его лицо, он был удивлен.

Кончики ушей Е Дунпина расположены чуть выше линии бровей, а сами брови четкой формы, густые, но не лохматые и слегка изогнутые. Переносица четкой формы, глаза расположены глубоко, контраст белков и роговицы правильный. Все это признаки большой удачи и благосостояния. Почему же его отец так беден?

Е Тянь не успел проанализировать все, а черепаший панцирь снова изменился, и перед глазами мальчика появились слова: "Е Дунпин, родился в Сычэне, старом районе Пекина в семье рабочих. Единственный сын, есть две старшие и одна младшая сестра. Закончил факультет машиностроения в университете Цинхуа в 1972 году, после окончания университета откликнулся на призыв партии "Обширно небо и земля, многое можно сделать" и переехал в район Цзинтань провинции Цзянсу..." (прим. "Обширно небо и земля..." - китайская поговорка, которую КПК в программе "Вниз, в села, вверх, в горы" использовала, как призыв).

"Оказывается, отец родом из Пекина? Но... почему нет никакой информации о моей матери?"

Черепаший панцирь показывал только биографию Е Дунпина, но там не было ничего о матери Е Тяня, что его очень расстроило.

Упоминание университета Цинхуа мальчика вообще не заинтересовало. Во-первых, в те годы это учебное заведение не было еще так знаменито, а во-вторых, Е Тянь был еще ребенком и совершенно ничего не знал о высшем образовании и социальном статусе, который оно дает.

Заметив, что слова перед его глазами начинают исчезать, Е Тянь вновь сосредоточился и все свои мысли и стремления направил в слово "сяншу".

"Расскажи о браке..." Е Тянь сосредоточился на этой мысли, надеясь, что черепаший панцирь отреагирует и даст хоть какую-то информацию о его матери.

Но вместо понятных слов перед глазами Е Тяня возникли какие-то странные символы, в голове зажужжало и голову расколола сильная боль, словно кувалдой в затылок ударили.

Все произошло внезапно, от сильного головокружения Е Тянь перестал ощущать тело и упал лицом вперед.

К счастью, перед ним сидел Е Дунпин, иначе, вместо мягких коленей отца, Е Тянь головой ударился бы о камни на земле.

"Эй? Малыш Тянь, что... что случилось?"

Обморок сына сильно напугал Е Дунпина. Он осторожно положил его на землю и обнял. За пару секунд ему казалось, что вся жизнь пролетела перед глазами, он не знал, что делать.

"Что случилось? Все из-за этой раны? Ох, это моя вина..."

При падении с головы Е Тяня упала даосская шапка, обнажив запекшуюся рану. Е Дунпин, естественно, решил, что именно травма головы стала причиной обморока, и сейчас ужасно сожалел, что был слишком строг с сыном. Боясь наказания, малыш ушел в горы и, видимо, там разбил голову.

Долгое время Е Дунпин не мог прийти в себя, затем отнес бесчувственного Е Тяня в комнату, и побежал в горы. В деревне были лекари, но им Е Дунпин доверял меньше, чем наставнику своего сына.

...

Е Тяню казалось, что он посреди моря, словно одинокая лодка, качается на высоких волнах. Дождь поливал его лицо, а в небе сверкали молнии и гремел гром. Силы неба и земли, окружавшие его, внушали благоговейный трепет.

Он не мог подняться в небо, не мог достичь берега. И вдруг почувствовал покалывание во всем теле, словно он был на суше, и на него вылили ушат ледяной воды. Задрожав от холода, он пришел в себя.

"Наставник, почему ты здесь? Разве ты не предпочитаешь уединение на вершине горы?"
Первым, кого увидел Е Тянь, открыв глаза, был старый даос, задумчиво смотревший на него.

"Ой... я... почему пошевелиться так трудно?" Е Тянь хотел поднять руку, чтобы протереть глаза, но все тело сильно болело и не слушалось его.

"Вот паршивец! Не двигайся..."

Старый даос протянул руку, чтобы успокоить Е Тяня, в его глазах было искреннее недоумение:
"Как в столь юном возрасте ты умудрился повредить изначальную ци?"

Изначальная ци даруется человеку от рождения и скрыта в почках. От нее зависит баланс ци, она восполняет жизненные и духовные силы. Древние говорили: "Объединяясь, изначальная ци способствует рождению, оставаясь сильной, изначальная ци способствует здоровью, становясь слабой и рассеиваясь, изначальная ци приводит к смерти". С точки зрения традиционной китайской медицины сильная изначальная ци делает человека здоровым, слабая приводит к болезням, а ее истощение — к смерти.

Однако, Е Тянь был еще ребенком, к тому же освоил техники самосовершенствования. Его изначальная ци должна быть сильной и неповрежденной, в отличие от взрослого человека. А сейчас его изначальная ци сильно повреждена, и старый даос никак не мог понять причины этого.

"Малыш Е, что ты делал, когда вернулся домой?" Подумав немного, старый даос решил расспросить Е Тяня, ответ мог знать только он сам.

Е Тянь слабо прошептал в ответ: "Я... я ничего не делал, просто... просто хотел помочь отцу и посмотрел его лицо..."

За пять лет обучения у старого даоса Е Тянь многое узнал об особенностях ци и китайской медицине. И, конечно, помнил, как важна изначальная ци для здоровья и жизни. Поэтому ответил честно, не упоминая лишь черепаший панцирь.

"И что ты увидел?" Старый даос нахмурился.

"Я..."

Е Тянь неуверенно покосился на наставника, но все же сказал правду: "Мой папа из Пекина, он учился в университете, он единственный сын в семье. И еще у меня есть три тетушки..."

"Малыш... малыш Тянь, кто... кто тебе все это рассказал?"

Е Дунпин не дал договорить Е Тяню, слова сына шокировали его. Пережив тяжелые времена в Пекине, он просто хотел тихой и спокойной жизни в далеком провинциальном поселке. Прежде всего он думал о безопасности, потому никому в деревне не рассказывал о себе и своем прошлом.

Он не собирался ничего скрывать от Е Тяня, но его сын еще слишком мал. Е Дунпин хотел подождать, пока сын повзрослеет, прежде чем рассказать о его семье.

Но сейчас Е Тянь говорил то, чего знать никак не мог, и это поразило Е Дунпина до глубины души.

"Я не знаю, правда это или нет..." — пробормотал Е Тянь, отвечая на вопрос отца.

Старому даосу много лет, ему было достаточно взглянуть на удивленное лицо Е Дунпина, чтобы все понять: "Тебе знакомо слово "нельзя"? Кто позволил тебе сделать такое?"

Услышав нотки озабоченности в голосе старого даоса, Е Дунпин позабыл, что хотел узнать от сына. Вместо этого он с тревогой обратился к старому даосу: "Дядюшка Ли, это... черт возьми, что с ним произошло? Все ли в порядке с малышом Тянем?"

Старый даос был весь седой, как и положено семидесятилетнему старику, но его кожа румяная и гладкая, как у сорокалетнего. Е Дунпин всегда следовал традициям и называл его дядюшкой, но ни за что бы не поверил, что ему уже за сто лет перевалило.

"О! Твой сын — гений..."

Услышав ответ Е Тяня, старый даос вспомнил странные вещи, что Е Тянь делал последние дни, и недоверие на его лице сменилось выражением легкой грусти.

Ли Шаньюань был очень самолюбив. С детства он изучал сяншу, прочитал бесчисленное множество книг, отлично разбирался в фэн-шуй. И по праву считал, что в Китае ему равных нет.

Но сейчас в сравнении с Е Тянем он почувствовал себя маленьким слабым щенком. Даос Ли талант? Даос Ли гений? Нет, гений сейчас лежит перед ним.

"Хм, дядюшка Ли, я не спрашивал, гений мой сын или нет. Я спрашиваю, что с моим сыном не так?..." Е Дунпин места не находил, а после ответа старого даоса и вовсе вышел из себя.

Заметив наконец, волнение Е Дунпина, старый даос улыбнулся и махнул рукой: "Племянник, не переживай, с Е Тянем все в порядке..."

"Какой племянник? Мой папа слишком молод, чтобы быть тебе внуком..."

Раньше Е Тяня не волновало, как его отец и наставник обращаются друг к другу. Но теперь он знал возраст старого даоса, и рассердился, решив, что тот пытается скостить себе пару десятков лет. Но вслух сказать этого не посмел, спросил о другом: "Наставник, я же вчера немного крови потерял. Неужели это как-то повредило мою изначальную ци?"

"Что за ерунду ты несешь? Слышал поговорку о том, что врач сам себя не лечит?" — сердито выругался старый даос.

Запрет самолечения среди врачей является неписанным законом в китайской медицине. Если болен родственник врача или он сам, то нельзя поставить объективный диагноз. В отношении самого себя и своих близких человек всегда субъективен, ему мешает беспокойство, страх, боль, и в этом случае диагноз может быть ошибочным.

Есть даже поучительная история об этом. Знаменитый врач Чунь Юйи при династии Западная Хань как-то заболел. Он принял несколько лекарств, следуя всем правилам, но облегчения это не принесло. Тогда он записал рецепт и дал его своему ученику, чтобы тот приготовил ему лекарство.

Читая рецепт, ученик врача заметил, что доза самого сильного ингредиента была уменьшена, видимо, из-за того, что Чунь Юйи пытался избежать неприятных побочных эффектов. Тогда ученик добавил правильную дозу, и, после приема нового лекарства врач поправился. Узнав о своей ошибке, Чунь Юйи признал, что самолечение не приносит должного результата. Тогда и появилась поговорка "врач сам себя не лечит".

"Я об этом знаю, наставник..." Е Тянь и Е Дунпин не понимали, какое отношение запрет самолечения имеет к обмороку мальчика.

Глядя на их растерянные лица, старый даос вздохнул и объяснил: "Это правило соблюдается и гадателями. На протяжении веков некоторые мастера сяншу осмеливались делать некоторые суждения о своей судьбе, но никогда не стремились ее полностью разгадать. Они опасались, что могут возжелать изменить свою судьбу, а это навлечет на них гнев неба и земли..."

<http://tl.rulate.ru/book/14729/3452888>